В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Сочинения

Виссарион Белинский

Славянский сборник

«Public Domain»

1845

Белинский В. Г.

Славянский сборник / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1845

ISBN 978-5-457-13584-0

Н. В. Савельев-Ростиславич – историк, воспитанник Московского университета, ученик Ф. Л. Морошкина и последователь Ю. И. Венелина. Его «Славянский сборник» посвящен критике и разоблачению «норманнской теории» происхождения Руси. Как и Венелин и Морошкин, Савельев-Ростиславич был склонен к различным фантастическим гипотезам, касавшимся древнейшего периода славянской истории. Белинский считает споры норманистов и антинорманистов в значительной степени не заслуживающими особого внимания. Подвергая в статье критике и осмеянию прежде всего приемы искусственной историко-археологической интерпретации древнейших сведений о Руси и славянах в работах Венелина, Морошкина и Савельева-Ростиславича, Белинский вместе с тем не совсем правомерно обращает свою статью против славянофильства как направления общественной мысли в России 1840-х гг. в целом.

ISBN 978-5-457-13584-0

© Белинский В. Г., 1845
© Public Domain, 1845

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 12
Комментарии

Виссарион Григорьевич Белинский Славянский сборник

Н. В. Савельева-Ростиславича. Санкт-Петербург. 1845.

Трепещите и кланяйтесь, читатели! Вы готовитесь иметь дело с книгою, которая – бездна премудрости, океан учености… Вообразите: одних примечаний *полторы тысячи!..* Предмет книги самый ученый – славянский мир, иначе славянщина, или словенщина… Цель книги – восстановление русской народности, будто бы съеденной врагами нашими, немцами; вожделенное восстановление это торжественно совершается книгою через решение вопроса, что варяго-руссы были не немцы, а славяне, – чистые, породистые славяне, без всякой немецкой или другой какой еретической примеси. Средства книги – страшная эрудиция, неслыханная начитанность. Не знаем, как вам это покажется, но что касается до нас, мы нисколько не испугались этой книги. Ученость – вещь почтенная, и мы сочли бы варваром, готтентотом всякого, кто без уважения стал бы смотреть на ученость; но ученость учености рознь: есть ученость истинная, светлая, плодотворная и благотворная и есть ученость ложная, мрачная, бесплодная, хотя и работящая. Через ученость люди доискиваются истины; через ученость доискивался истины Фауст, тревожимый внутренними вопросами, мучимый страшными сомнениями, жаждавший обнять, как друга, всю природу, стремившийся добраться до начала всех начал, до источника жизни и света, и бестрепетно пускавшийся в беспредельный и невещественный мир *матерей*[1] – первородных чистых идей. Но через ученость же добивался истины и Вагнер, человек узколобый, ограниченный, слабоумный, сухой, без фантазии, без сердца, без огня душевного, прототип педанта, представитель всех возможных Тредьяковских, изобретателей русских гекзаметров на греческий лад и русских октав на итальянский манер…[2] К чему ни прикоснется Вагнер – все иссыхает и гниет под его мертвою рукою: цветы теряют свои краски и благоухание, красота превращается в мертвый аппарат, нравственность становится скучным жеманством, истина – пошлою сентенциею… Глядя на Вагнера, особенно слушая его, чувствуешь невольное отвращение к науке и к учености: так противеет в глазах ваших красивый, благоухающий, вкусный и сочный плод, если по нем проползет отвратительный слизняк…

Вагнеров много, и они разделяются и подразделяются на множество родов и видов. Мы имеем теперь в виду только один род этих, впрочем, очень любопытных людей. Сохраняя общие родовые признаки всех Вагнеров, то есть ограниченность, слабоумие, сухость, пошлость, задорливость и фанатизм, – Вагнер, о котором мы хотим говорить в общем типическом смысле, не применяя ни к кому в особенности его характера, – наш Вагнер ко всем этим прекрасным качествам присовокупляет еще ипохондрическую способность впадать в манию какой-нибудь нелепой мысли, какого-нибудь дикого убеждения. Избрав предметом своих занятий, например, историю, он видит в истории совсем не историю, а средство к защищению и оправданию чудовищных идей. Во всех других отношениях существо доброе и нисколько не опасное, – он делается разъяренным, когда он говорит или пишет о своей заветной идее, на которой помешался. Все противники этой идеи – личные враги Вагнера, хотя бы они жили за сто или за тысячу лет до его рождения; все они, мертвые и живые, по его мнению, люди слабоумные, глупые, низкие, злые, презренные, способные на всякое дурное дело. Все ее защитники и последователи, мертвые и живые, по его мнению, люди умные, гениальные, добродетельные, чуть не праведные. Идея его – истинна и непреложна: он ее доказал, утвердил, сделал яснее солнца, – и только люди, ослепленные невежеством или злобою, могут не видеть этого. Говоря о своей идее, как об аксиоме, принятой всем миром, за исключением нескольких невежд и злодеев (хотя бы в самом-то деле, кроме самого Ваг-

нера и его приятелей, или никто и знать не хочет ее, или все смеются над нею, как над вздором), – он сам о себе говорит, как о великом человеке, великом ученом, великом гении, и, в подтверждение этого, не краснея, вставляет в свою книгу похвалы самому себе, полученные им от своих приятелей, таких же Вагнеров, как и сам он, и в благодарность, с своей стороны, также превозносит их до седьмого неба. Бедный человек, жалкий человек! Хуже всего в нем то, что он от всей души считает себя великим ученым. В самом деле, он усердно занимается своим предметом, много прочел и перечел, знает бездну фактов, – словом, по всем правам принадлежит к числу самых остервенелых книгоедов. Но, несмотря на то, он так же мало имеет права претендовать на титло ученого, как и на звание умного человека. Это не потому только, что Вагнер ограничен и, как говорится, недалек и *пороха не выдумает:* и ограниченные люди могут быть учеными (эмпирически и фактически) и своими посильными трудами, очищая старые факты и натыкаясь на новые, приносить пользу науке; но потому что Вагнер, о котором мы говорим, в науке видит не науку, а свою мысль и свое самолюбие. Он принимается за науку уже с готовою мыслию, с определенною целью, садится на науку, как на лошадь, зная вперед, куда привезет она его. Мы этим не хотим сказать, чтоб нельзя было приступить к науке из желания оправдать ею свою задушевную мысль, в которой человек убежден по чувству, предчувствию, a priori[1], и которой он хочет, путем науки, дать действительное, реальное существование. Нет, так приступал к науке не один великий человек, и не без успеха; но для этого нужно прежде всего, чтоб задушевная, заветная, пророческая мысль родилась в благодатной натуре, в светлом уме и чтоб она носила в себе зерно разумности; потом необходимо, чтоб приступающий таким образом к науке, для оправдания своей мысли в собственных глазах и глазах всего мира, – вошел в святилище науки с обнаженными и чистыми ногами, не занося в него сора и пыли заранее принятых на веру убеждений. Он должен, на все время исследования, отречься от всякого пристрастия в пользу своей идеи, должен быть готов дойти и до убивающего ее результата. Человек, который посвящает себя науке, не только может, должен быть живым человеком, в теле, с кровью, с сердцем, с любовью; но у науки не должно быть тела, крови и сердца: она – дух бестелесный, чистый отвлеченный разум, без крови и сердца, без страстей и пристрастий, холодный, строгий, суровый и беспощадный. У нее есть любовь, но своя особенная, ей только свойственная, духовная, идеальная любовь к предмету бесплотному, отвлеченному – к истине, – не к *той* или вот *этой* истине, заранее известной, а к такой, какая сама собою явится результатом свободного исследования. В этом смысле, тип истинного ученого – математик, который, ища неизвестной величины, нисколько не заботится, какая именно будет эта величина и понравится она ему или нет: для него все величины равно хороши, и он добивается именно той, которая *необходимо должна быть* результатом решаемой им задачи. У кого есть любимая мысль и кто *таким образом* оправдает ее через науку, тот вполне заслуживает высокого и благородного титла ученого; равным образом как и тот, кто умеет отказаться от любимого *убеждения,* если увидит, что оно оказалось, через ученое исследование, предубеждением или заблуждением. Не таковы Вагнеры, о которых мы говорим: они обращаются с наукою, как с лошадью, которую заставляют насильно везти себя куда им нужно или куда им угодно. Любимые мысли их всегда вне науки и ее интересов. Устремят ли они свое исключительное внимание, например, на русскую историю, – не думайте, чтоб их цель была разработать ее материалы, разъяснить ее темные факты или изложить в стройном повествовании ее события. Нет, подобные труды и задачи они охотно предоставляют другим, а сами занимаются вопросами, которые столько же легки для ученой болтовни, сколько пусты в своей сущности. Им, видите ли, нужно непременно узнать, кто были варяго-руссы. Зачем? Для окончательного решения первого вопроса русской истории, какова бы ни была степень его важности? – О, совсем нет!

[1] заранее *(лат.). – Ред.*

Им это нужно для изъявления их отвращения к немцам и любви к славянскому миру. Как надо решить вопрос – это они знают наперед. Еще не начиная заниматься русскою историей), они уже знали, что варяго-руссы – чистые славяне и что Шлецер с умысла «врал»), называя их норманнами, увлекаемый рейнским патриотизмом. Читая этих господ, так и думаешь, что читаешь писание какого-нибудь брадатого учителя какого-нибудь старообрядческого толка: та же стрелецкая ненависть ко всему иноземному, та же нелепая логика, то же фанатическое исступление в диких убеждениях…

Но это вагнеровское направление становится еще диче, когда к нему примешивается охота сочинять исторические ипотезы и догадки, которые выдаются за непреложные истины на основании натянутых словопроизводств, сближений, цитат и так называемой «исторической логики». Ни одна область науки так не богата чудовищными нелепостями, как область филологии и истории. Происхождение, начало и сродство языков и народов представляют самое обширное поле для произвольных толкований, нелепых догадок и диких заключений. Первоначальная история всех народов покрыта глубоким и непроницаемым мраком, – и потому Вагнерам тут легко одними и теми же доказательствами утверждать самые противоречащие положения. Для этого и невежество и многознание равно служат, и последнее иногда доходит еще до больших нелепостей, нежели первое. По крайней мере последнее увлекает за собою толпы адептов и иногда переходит от поколения к поколению. Ученость этого рода поистине забавна с своими важными исследованиями вопросов, которые в сущности очень неважны, а главное – неразрешимы. Великий наш юмористический поэт, глубокий знаток тех комических слабостей человеческой натуры, в которых так трудно уловить тонкую черту, отделяющую гениальность от сумасшествия, – превосходно характеризует манеры и уловки исторических исследователей. Он сделал это, чтоб объяснить происхождение глупых сплетней, которые возникли насчет героя его романа и ни с того ни с сего в глазах сплетниц обратились в достоверность.

> Наша братья, народ умный, как мы называем себя, поступает почти так же, и доказательством служат наши ученые рассуждения. Сперва ученый подъезжает в них необыкновенным подлецом, начинает робко, умеренно, начинает самым смиренным запросом: не оттуда ли? не из того ли угла получила имя такая-то страна? или: не принадлежит ли этот документ к другому, позднейшему времени? или: не нужно ли под этим народом разуметь вот какой народ? Цитует немедленно тех и других древних писателей и чуть только видит какой-нибудь намек, или показалось ему намеком, уж он получает рысь и бодрится, разговаривает с древними писателями запросто, задает им запросы и сам даже отвечает за них, позабывая вовсе о том, что начал робким предположением; ему уже кажется, что он это видит, что это ясно, – и рассуждение заключено словами: так это вот как было, так вот какой народ нужно разуметь, так вот с какой точки нужно смотреть на предмет. Потом во всеуслышание, с кафедры, – и новооткрытая истина пошла гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников («Мертвые души», стр. 362–363)[3].

Это столько же не преувеличено и верно, сколько зло и смешно… Главный источник подобных человеческих *слабостей* заключается в человеческом самолюбии. Ученому, литератору приятно не только основать в науке свою систему, свой взгляд на предмет, но даже и быть последователем нового учения, кем-нибудь другим основанного. – Мы-де не староверы, мы-де впереди всех, – думают, самолюбиво осклабляясь, такие ученые или такие литераторы, не подозревая, что они действительно впереди всех… на пути нелепости.

Но мы совсем забыли об «ученой» книге г. Савельева-Ростиславича, о знаменитом «Славянском сборнике», увлекшись разными размышлениями, которые, разумеется, нисколько не относятся ни к ученому г. Савельеву-Ростиславичу, ни к его варяго-русскому альманаху. Займемся же им исключительно.

Альманах состоит из нескольких статей, сочиненных г. Савельевым-Ростиславичем, и разделяется на два выпуска; третий печатается. Первая статья – «Критическое обозрение, во всех отношениях, системы скандинавского производства Руси, от 1735 до 1845» – занимает весь первый выпуск, напечатана гораздо крупнейшим шрифтом, нежели второй выпуск, перемечена римскими цифрами и до невозможности преисполнена типографскими ошибками, беспрестанно искажающими смысл, – почему статью эту так же трудно читать, как дурно и неразборчиво написанную рукопись. За этой статьей в 239 страниц следует белая страница, потом четыре страницы указаний опечаток, которые, несмотря на то, показаны далеко не все; затем – латинский эпиграф из Тита Ливия; за ним – две белые страницы, а за ними – страница с русским переводом эпиграфа из Тита Ливия; потом заглавие новой статьи (первая статья не имеет заглавия – оно выставлено, вместе с поименованием всех статей, на цветной обертке), на обороте – белая страница (оттого книга толще и, следовательно, *ученее),* за которою уже начинается новая статья. Заглавие книги на цветной обложке весьма неблагообразно жмется к корешку, оставляя большое поле справа. Все эти чисто внешние, типографические подробности могут показаться читателям мелочными придирками; но мы не могли избежать этих внешностей, потому что они находятся в живой связи с внутренним достоинством книги: «Славянский сборник» должен быть и напечатан по-славянски, в восточном вкусе, в противоположность лукавому Западу, который издает свои книги красиво, изящно, со вкусом и без опечаток…

Первая статья, не имеющая, как мы уже сказали, другого заглавия, кроме того, какое выставлено на цветной обложке (которая при переплете книги, как известно, бросается прочь), посвящена сочинителем «памяти Ломоносова и Венелина, падших в борьбе за независимость русской мысли». Аллах керим[4] – что это за известие? или, лучше сказать, что это за выдумка?.. Да когда же они падали? Можно сказать, например, о Волынском, что он пал за вражду к Бирону; но Ломоносов не падал, сколько нам известно, и умер своею смертию, незадолго до нее осчастливленный посещением императрицы Екатерины II. Разве так падают? Дай бог всякому так падать! Правда, Ломоносов умер прежде времени, но это по собственной вине, вследствие некоторого славянского пристрастия к некоторому варяго-русскому напитку, а совсем не потому, чтоб его кто-нибудь преследовал за независимость русской мысли. Что касается до Венелина, он тоже умер не вовремя, даже гораздо более не вовремя, чем Ломоносов; но г. Савельев-Ростиславич сам лично знал Венелина, следовательно, знает, что он умер тоже совсем не вследствие преследования за независимость русской мысли… Итак, что же это за ученое сочинение, которое даже в посвящении умышленно говорит неправду? Или уже таково должно быть всякое произведение в славянофильском духе?..

Книга г. Савельева-Ростиславича начинается уверением, что Петр Великий любил Россию и русских и что он, когда мог, всегда предпочитал русского немцу. Это справедливо, хотя уже и не ново. Сочинитель, ссылаясь на донесение Кампредона французскому двору, уверяет, что Петр Великий для того сзывал в Петербург всех дворян, под опасением конфискации имений и лишения дворянского звания за неявку, чтобы узнать способных на службу дворян и *заменить ими иностранцев,* которых он хотел вскоре уволить от службы и отослать. Это похоже на правду, однако ж на самом деле неправда, что бы ни говорили гг. Кампредон и Савельев-Ростиславич. Что Петр желал освободиться от лишних иностранцев, между которыми, естественно, было много пустых и даже вредных для России людей, и дать ход своим способным людям, – это верно; но чтоб он хотел отослать всех иностран-

цев, даже достойных и оказавших ему услуги, он, у которого между ними был когда-то Тимерман, Гордон, Лефорт, был Остерман и после которого остался России Миних, – это просто выдумка, не стоящая опровержения. Императрица Екатерина, немка по рождению, но дочь Петра Великого не по крови, а по духу, равно умела дать свободный ход и широкое поприще и даровитым русским и даровитым немцам, и умела делать это так, что при ней не было ни русской, ни немецкой партии, а было вместо их твердое, умное и славное русское правительство. Г-н Савельев-Ростиславич продолжает *сочинять:* «Но Великий умер – и мысль его осталась без исполнения. Люди, к которым он питал глубочайшее презрение, размножались. В благодарность России, которая кормила их и поила, *они подарили бироновщину* (1730–1740), тяготевшую над нашим отечеством до счастливого воцарения дочери Петровой, кроткой Елизаветы, *очистившей Русь от иноплеменников* и предуготовившей нам век Екатерины Великой» (стр. VII, VIII)[5]. Тут что ни слово, то вопиющая ложь! Читая это, невольно подумаешь, что иноплеменники с умыслу подготовили нам Бирона, как иезуиты, по мнению некоторых ученых, подготовили московскому царству Димитрия Самозванца… В благодарность подарили нам бироновщину – что за нелепость! Этак иной подумает, пожалуй, что Анна Иоановна была иноплеменница, а не родная дочь Иоанна Алексеевича, не родная племянница Петра Великого!.. Не знаем, право, в какой мере Елизавета Петровна предуготовила царствование Екатерины Великой; мы даже думаем, что славою и блеском своего царствования Екатерина II никому не обязана, кроме самой себя и своих сподвижников, которых она так хорошо умела выбирать… Жаль, что г. Савельев-Ростиславич не заглянул хоть в историю г. Устрялова[6], если ему не известны другие источники касательно царствования Елизаветы Петровны… Но что ему до источников, что до истины: Елизавета Петровна *очистила Русь от иноплеменников,* а это в его глазах все равно, что сделать Русь счастливою! Но история говорит не то… Трудно было России при Петре – и реформа, и войны, и труд, и пожертвования; но правосудие и нелицеприятие великого царя, доступность к нему для всех и каждого, очарование имени и обильные плоды его подвигов вознаграждали Русь за все, – и после его смерти она, к несчастию, слишком скоро и слишком хорошо узнала, что *была* при нем счастлива. По смерти же Петра, только с царствования Екатерины II настала для России и теперь продолжающаяся эпоха счастия, благоденствия и славы.

По мнению г. Савельева-Ростиславича, система скандинавского происхождения Руси явилась во время Бирона, из угождения временщикам-иноземцам. Тут он видит решительный заговор немцев против русских. В самом деле, если Байер прав и варяго-русские князья пришли к нам из Скандинавии[7], – горе нам: наша национальная честь посрамлена навеки, достоинство попрано, и мы – нечто менее собаки, как говорят персияне. Словом, после этого нам, русским, остается только взять да повеситься всем до единого! Зато какое торжество для Швеции: после этого ей нечего даже жалеть ни о прибалтийских областях, ни о Финляндии! Но утешьтесь: Байер был немец, увлекавшийся рейнским патриотизмом, враг России, злодей, изверг, который хотел украсть нашу честь, славу, достоинство. Нашлись люди, которые изобличили его. Первым из них был великий Ломоносов[8], последним – г. Савельев-Ростиславич. В «Славянском сборнике» подробно и красноречиво изображены подвиги того и другого по этой части. Во время Бирона немцы жили дружно между собою в России, а об русских в этом отношении вот что сказал Волынский: «Нам, русским, не надобен хлеб: мы друг друга едим и с того сыты бываем». И все-таки не мы, а немцы были виноваты в наших бедствиях: по крайней мере г. Савельев-Ростиславич крепко держится этого мнения. Главную же причину наших бедствий в то время он полагает в скандинавском происхождении Руси. Скажи Байер с самого начала, что варяго-руссы пришли к нам с славянского балтийского поморья, и прими это мнение Шлецер, – Бирон ничего бы не мог нам сделать, и мы непременно сослали бы его в Великий Кут[9], или Прибалтийскую Сербь, в славянский город Винету, недавно дотла разрушенный диссертациею г. Грановского[10]. Но когда

Ломоносов принялся за русскую историю, которой он не знал, и за восстановление славы россов, – было уже поздно: немцы, Бирон и Байер, уже успели призвать в Россию скандинавских варяго-руссов. Умный, ученый, энергический, гениальный Шлецер своею могущественною историческою критикою, своими исследованиями и авторитетом утвердил Байерово учение о скандинавском происхождении Руси. Если и в наше время есть люди, которые, подобно г. Вельтману, считают «предосудительным для чести России скандинавское происхождение варяго-руссов», – то могли ли на Шлецера смотреть иначе в те времена надуто-реторического патриотизма, когда сам Ломоносов, – человек высокого ума, гениальных способностей, сильного характера, великой учености, – если не принимал за достоверное нелепого и педантического мнения о происхождении Рюрика от кесарей, то и не отрицал в нем вероятности!!. Итак, Ломоносов первый восстал против Байерова учения. Причиною этого восстания человека ученого и гениального, но решительно не знавшего истории, было, во-первых, убеждение, столь свойственное реторическому варварству того времени, будто бы скандинавское происхождение варяго-руссов позорно для чести России, и, во-вторых, небезосновательная вражда Ломоносова к немцам-академикам и вообще огорчения, которым, по своей великой ревности к успехам наук в России, он подвергался вследствие академической кабалы и сплетен подьяческого характера. В числе его противников (которых – надо сказать правду – Ломоносов умел наживать себе вспыльчивостью и крутостью своего нрава) был и бессмертный *профессор элоквенции, а паче всего хитростей пиитических,* Василий Кириллович Тредьяковский. Г-н Савельев-Ростиславич до того осерчал на бедного и жалкого Тредьяковского, который держался немецкой партии и скандинавского происхождения Руси, что с восторгом и необыкновенною элоквенциею пересказывает историю истязания, которому Волынский подверг Тредьяковского ровно ни за что. «Артемий Петрович *накормил друга плюхами* (говорит красноречивый г. Савельев-Ростиславич); приказал *ввалить* ему 70 палок по голой спине; велел *закатить* ему еще 30 палок; дал ему на *прощанье* еще с десяток палок…» (стр. XII). Вот что значит истощить на яркое повествование оплеушного и палочного события все богатство славянского языка и красноречиво воспользоваться всею энергией) и живописностью *великокутских* глаголов: *накормить плюхами, ввалить, закатить* и проч.!.. Г-н Савельев-Ростиславич с презрением говорит о Тредьяковском, который, по падении Волынского, взыскал с его наследников за побои 720 рублей. Что ж тут удивительного? Мог ли иначе поступить человек, которого *кормили оплеухами* и *валяли палками,* заказав ему стихи на шутовскую свадьбу в Ледяном доме?.. И можно ли слишком порицать низость чувств в писаке, которого, *как всякого писаку,* в то время можно было бить?.. А хорошее было то время, когда вельможа Волынский, провозглашенный патриотом, потешался собственноручным кормлением бедного писаки оплеухами?.. И писатели нашего времени берут сторону Волынского в этом позорном факте, забывая, что, каков бы ни был Тредьяковский, но ведь все же и *писака* – брат *писателя* по ремеслу, если не по таланту… То-то славянская-то логика! А еще жалуются, что немцы обижали наших ученых и литераторов! Да найдите хоть одного немца, который бы не оскорбился, видя, что его брата по ремеслу бьют оплеухами и палками, хотя бы этот брат по ремеслу был его личный враг… Прав Волынский: «Нам, русским, не нужно хлеба: мы едим друг друга и с того сыты бываем…» Бедный Тредьяковский! тебя до сих пор едят писаки и не нарадуются досыта, что в твоем лице нещадно бито было оплеухами и палками достоинство литератора, ученого и поэта!..

Г-н Савельев-Ростиславич, словно за великое преступление, упрекает Байера и Шлецера за их мнение о скандинавском происхождении Руси и приписывает его: 1) злому умыслу *извести* русское самопознание (стр. XV) и 2) немецкому патриотизму. Мы решительно не можем понять, почему бы Байер и Шлецер, даже ошибаясь, не могли дойти до убеждения в скандинавском происхождении Руси совершенно беспристрастно, без всяких злых умыслов и без всякого патриотизма? Что г. Савельев-Ростиславич принял мнение г. Морошкина

о происхождении варяго-руссов от балтийско-поморских славян Великого Кута, – принял его не по ученому убеждению, а по чувству патриотическому, – это ясно, – и он сам в этом сознается, находя предосудительным для России скандинавское происхождение варяго-руссов. Немец вообще не слишком страстный патриот, а в науке он еще более космополит, чем в чем-нибудь другом. Мнение Байера, развитое и утвержденное Шлецером, сверх того, совсем не так нелепо, как угодно утверждать г. Ростиславичу. Оно имеет за себя сильные доказательства и много вероятности; если же оно также имеет сильные доказательства и против себя и если оно не имеет полной достоверности, – так это потому, что вопрос о происхождении Руси, будь сказано не во гнев. г. Ростиславичу, столько же неразрешим, сколько и бесплоден, даже если б он и был разрешим. По тому же самому и мнение Эверса о черноморском происхождении Руси[11] так же точно вероятно, как и мнение о скандинавском, так же точно имеет сильные доказательства за себя, как против себя. По тому же самому и мнение славянофилов о славянском происхождении Руси не вовсе лишено смысла и вероятности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.
О Матерях-богинях, от которых зависит вновь вызвать в мир Париса и Елену, говорит Мефистофель Фаусту в ч. II трагедии (д. I, эпизод 4). См. об этой сцене подробно в статье «<Идея искусства>«(наст. изд., т. 3, с. 292–293) и в статье второй о народной поэзии (т. 4, с. 146–147). Этот эпизод в «Фаусте» Белинский высоко ценил (см. письмо к В. П. Боткину от 10–11 декабря 1840 г.). Интерпретация этого эпизода во второй статье о народной поэзии послужила предметом нападения со стороны «Северной пчелы» (см. об этом «Литературные и журнальные заметки» (февраль 1843 г.) – наст. изд., т. 5, с. 412).

2.
Прототип педанта. – Здесь это также и прямой намек на С. П. Шевырева (см. памфлет «Педант» в т. 4 наст. изд. и примеч. к нему). Об изобретении русских гекзаметров и октав см. примеч. 18 и 19 к статье «Опыт истории русской литературы… А. Никитенко».

3.
Цитата из гл. IX тома I «Мертвых душ» с небольшими отступлениями от текста.

4.
Аллах керим (араб.) – боже милостивый.

5.
Курсив в цитате принадлежит Белинскому.

6.
Имеется в виду «Русская история» Н. Г. Устрялова (т. I–V, СПб., 1837–1842), являвшаяся тогда официально принятым учебником.

7.
Об этом Г.-З. Байер писал в статье «De Varagis» («О варягах») в изд.: «Commentarii Academiae imperialis Scientiarium Petropolitanae» («Комментарии Петербургской академии наук»), IV, 1735.

8.
Ломоносов опровергал и «изобличал» Байера в возражениях на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа русского». См., например: «Последуя своей фантазии, Байер имена великих князей российских перевертывал весьма смешным и непозволенным образом для того, чтобы из них сделать имена скандинавские; так что из Владимира вышел у него Валдамар, Валтмар и Валмар, из Ольги Аллогия, из Всеволода Визавалдур и проч.» (Ломоносов, т. 6, с. 30).

9.
Великий Кут – у Н. В. Савельева-Ростиславича славянизированное обозначение территории южного побережья Балтийского моря между устьями Эльбы и Одера – места происхождения (по Ф. Л. Морошкину) варяго-руссов от балтийско-поморских славян; Белинский обыгрывает это искусственное наименование. Ср. ниже «великокутский» в смысле: «славянский», «излюбленный славянофилами».

10.

Т. Н. Грановский защищал в Московском университете магистерскую диссертацию «Волин, Иомсбург и Винета» 21 февраля 1845 г. Защита, которой противились славянофилы, прошла с торжеством для Грановского (см. об этом: Герцен, т. II, с. 406), Статья Грановского «Волин, Иомсбург и Винета» была опубликована в «Сборнике исторических и статистических сведений о России», т. I. М., 1845.

11.

Имеется в виду мнение И.-Ф.-Г. Эверса о хазарском происхождении руссов. См. его сочинение «Geschichte der Russen» («История руссов», 1816).